

ИМЕНА | О храбром русском лейтенанте помнят в Эстонии

Улица – судьба

АЛЁНА ЮРЬЕВА

В Магнитогорске немало улиц, переулков, проездов, переходов, бульваров. Но есть в этом списке улица, которая держится особняком. Вот уже более полувека носит она имя сталевара Алексея Грязнова.

Советские годы судьба этого человека служила примером для молодёжи: вот так надо жить и работать. А сегодня – это тема для изучения, анализа и немалого удивления: неужели человек мог вот так жить и работать?

В этом году Алексею Грязнову исполнилось бы 111 лет. За это время написано и сказано о нём немало. В том числе и об улице его имени, на которой долгие годы жили его вдова и приёмная дочь. И всё-таки белых пятен в этой истории ещё немало. Оказывается, до 1964 года улица Грязнова называлась Театральной. Что удивительно, ведь никаких театров на ней нет. В 1964-м по просьбе горожан улице присвоили имя Алексея Грязнова. Кандидатуру утвердили единогласно, несмотря на то, что со дня его гибели на тот момент прошло уже 20 лет.

Магнитогорцем Алексей Грязнов стал только в 31 год, приехав из Белоречка. Родился он в рабочей семье. Уже в десять лет работал грузчиком и истопником в магазине у местного купца. Когда подрос – пошёл на завод. В 1925 году был призван на срочную службу во флот. Там же вступил в партию. В 1934 году приехал в Магнитогорск и устроился чернорабочим в строящийся мартеновский цех, хотя мог сделать карьеру и по партийной линии. В первые же дни записался на курсы сталеваров и в школу мастеров.

Жадный был до знаний человек – вспоминали впоследствии люди, знавшие его лично. Собрал для себя библиотеку о сталеварении. На ремонтах печей добровольно лез в самое пекло – и за каменщика, и за слесаря. Как мальчишка радовался, когда получал войлочную шляпу и очки подручного сталевара. «Человек-вихрь» называли Алексея Грязнова друзья-металлурги. Работал он мощно, красиво, увлекая за собой других. Лично был знаком с наркомом чёрной металлургии Орджоникидзе и академиком Бардиным. А его рекордам удивлялась вся страна. «Бывало, что от работы к вечеру начинали гудеть кости», – вспоминали коллеги Грязнова. А он в ответ на

жалобы улыбался и запевал песню.

В 1938 году металлурги избирают Грязнова секретарём райкома партии. Доверие товарищей он оправдывает сполна. Но с первых же дней войны возвращается в мартеновский цех, где, по его мнению, будет более полезен. На рядовой мартеновской печи № 3 он, хотя это и не было предусмотрено технологией, плавит броневую сталь. Но вскоре принимает решение идти на фронт. И, отказываясь от брони, добывается своего. Батальон, которым он командовал, выполнял самые трудные задачи. Его нередко перебрасывали в наиболее «горячие» участки боёв. В письмах родным Грязнов сообщает, что в его батальоне есть и русские, и башкиры, и узбеки, и киргизы – всего 21 национальность. И что немцев они бьют беспощадно, не жалея собственных жизней.

Когда на улице Грязнова, в школе, появился музей, вдова Грязнова передала туда самое дорогое, что у неё оставалось – военные письма и телеграммы. Одно из них – со следами его крови. Музей памяти Алексея Грязнова был открыт в школе № 63 в 1979 году. Самые первые экспонаты –

личные вещи мужа – передала музею вдова Грязнова – Клавдия Ефимовна. Дом, в котором она жила, находится по соседству со школой. В те времена этот адрес – Грязнова, 9 – знал почти каждый магнитогорский пионер. Клавдия Ефимовна была частой гостьей на школьных вечерах. Один из самых ценных музейных экспонатов – пластинка с записью голоса Алексея Грязнова, сделанная в госпитале, где он лечился после ранения. Он призывает металлургов страны, и, прежде всего, Магнитки, дать как можно больше металла.

Старший лейтенант Алексей Грязнов погиб 11 сентября 1944 года в бою под деревней Пикасилла в Эстонии. Похоронен там же в братской могиле. В конце 70-х годов учителя и ученики школы № 63 вместе с вдовой Грязнова ездили на место его гибели. Возложили цветы к памятнику.

А в 1976 году памятник сталевару и воину Алексею Грязнову был установлен и в Магнитогорске, на площади Мира. Автор бюста – архитектор Пономарёв.

Вот такая история... Вдова Алексея Грязнова больше так и не вышла замуж. Несколькими годами раньше школы № 63 разыскали её могилу, привели в порядок. Его приёмная дочь живёт в Челябинске. А память о самом Алексее Грязнове жива в названии улицы, в истории города и комбината, где его именем названа одна из мартеновских печей. В школе № 63 всё так же работает музей Алексея Грязнова, и, как и много лет назад, проходят уроки памяти.

Помнят о храбром русском лейтенанте Грязнове и в эстонской деревне Пикасилла. Местные жители по-прежнему ухаживают за памятником погибшим советским солдатам

А. Н. Грязнов с семьёй

ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ | Переписка Галины из Магнитки и Сигизмунда из Эрфурта длилась три десятка лет

Письма из прошлого

Магнитка, 1932 год

Эрфурт, 1981 год

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО

20 февраля в «ММ» была опубликована статья «Тайна старого фото». Исторический снимок, присланный читателем газеты, стал предметом журналистского расследования.

Напомним, на обратной стороне карточки на немецком языке было указано, что фотография сделана летом 1932 года. Слева – строящаяся электростанция, справа – доменная печь. Перечислены и мужчины на фото. Первый – австриец, кочегар локомотива Вилли Йеллинек. Рядом – автор послания машинист Сигизмунд

Шмидт из Эрфурта, Германия. Далее – слесарь-конструктор из немецкого Зангерхаузена. И, наконец, переводчик из Повольжья.

Заведующая отделом истории Магнитогорского краеведческого музея Татьяна Фатина в редкой брошюре «Список немецких специалистов, работавших на строительстве ММК в 1929–1936 годах» отыскала того самого Сигизмунда Шмидта – 1907 года рождения, ЖДТ, транспортное депо, машинист. Беспартийный, работал в Магнитке по договору в 1932–33 годах. Оставался загадкой лишь адресат. Сигизмунд обращался к «Дорогому другу Галине» – видимо, жительнице Магнитогорска, которая с ним

переписывалась. Конечно, интересовала нас и история этой многолетней дружбы.

И вот 63-летняя Галина Ивановна откликнулась – оказывается, именно она прислала фотографию в редакцию любимой газеты. А не подписалась, потому что не хотела привлечь к себе внимания: посчитала, что главное – исторический снимок.

– Наверное, вы решили, что это какой-то мужчина прислал фото, потому что почерк у меня размашистый, уверенный? – улыбается Галина Рыбинская. – Да и характер у меня решительный, не терплю несправедливости, не промолчу, если что. Многие считают меня излишне «шершистой», но за это и

уважают. Наверное, это у меня от предков: мать – уральская казачка, отец – украинец...

А вот профессия у Галины Ивановны вполне мирная, требующая усидчивости и кропотливости – была заведующей машбюро научно-исследовательского сектора в горно-металлургическом институте. Когда набираешь важные документы, научные работы и диссертации, ошибаться нельзя. Эта природная кропотливость и дотошность помогла ей и в переписке – увлекалась немецким, даже хотела стать переводчиком, не один вечер просидела на кухне со словарями, читая послания Сигизмунда и сочиняя свои.

Началась эта история в 1968

году. До этого Шмидт переписывался со старшим братом Галины, известным в то время филателистом Анатолием Белоконь. Когда брат перебрался в Верхний Тагил, письма от Сигизмунда продолжали приходить на прежний адрес, и отвечать ему стала юная Галина. Отправляла марки с «флорой и фауной», которые он коллекционировал, в ответ приходили открытки с видами европейских городов.

В альбом вклеены десятки фотографий, открыток, писем – и длинных, и коротких, и на немецком, и на русском. По словам Галины Ивановны, Сигизмунд Карлович оставался работать в Магнитке после завершения двухлетнего контракта, до 1939 года. Выходит, прожил в России семь лет – срок немалый, и лишь с обострением отношений СССР с Германией вынужден был уехать – немцев в срочном порядке отправляли на родину. Сигизмунд неплохо знал русский язык и хотел сохранить связь с жителями Магнитки и знакомыми в других городах.

Переписывался не только с Галиной. К примеру, в одном из своих последних писем сетовал на то, что оборвалась его связь с «товарищем» Эльмарком Сировским. Кстати, магнитогорцы помнят Эльмарка Моисеевича как педагога, руководителя кафедры иностранных языков горно-металлургического университета. Прислал Сигизмунд и фотографию 1932 года, на которой запечатлена группа иностранных специалистов на экскурсии в Нальчике. Просил Галину разыскать одного из организаторов или участников этой экскурсии – москвича Валентина Громова.

Кстати, в пятидесятых – шестидесятых многие маг-

нитогорцы переписывались с иностранцами – в семьях до сих пор хранят открытки, календарики, спичечные этикетки из Польши, ГДР, Чехословакии, Китая. Со временем интерес угасал. Письма шли долго, а то и вовсе не доходили. У вчерашних подростков появлялись другие интересы. Однако Галина, хоть и повзрослела, обзавелась семьёй, родила сына, продолжала писать в Эрфурт. Для Сигизмунда Шмидта письма Галины были приветом из города его молодости. Для неё – и «окном в Европу», и нескончаемой радостью. Ведь со временем обмен дарами перерос в настоящую дружбу, а продолжалась переписка три десятка лет...

Вот Сигизмунд выражает соболезнование по поводу гибели брата Галины в 1976 году – от его ломанного русского сжимается сердце: «Мы печальны с вашей семьёй». Вот рассказывает о сыне Герольде и жене Эльзе. Вот поздравляет с Восемью марта: как перевести «фрау» на русский, непонятно, вот и адресует письмо «женщине Рыбинской Галине». Сообщает, что овдовел, через несколько лет женился на frau Anne. А вот красным выделено Perestroika, спрашивает и о Gorbatschow.

В девяностые он даже собирался приехать в Магнитку, но попал в аварию. Покачнулся здоровье, жаловался на сердце. На рубеже веков весточки из Эрфурта приходили перестали. Галина не раз писала Герольду Шмидту, пыталась узнать о судьбе его отца, но ответа так и не получила. И все эти годы она бережно хранит письма первостроителя Магнитки Сигизмунда Шмидта, каждое из которых начинается со слов: «Дорогой друг Галина!»

► Помнить, это всё равно что понимать, а чем больше помнишь, тем более видишь хорошего. Максим Горький